
**ДМИТРИЕВ В ГЕРМАНИИ.
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ**

У. Екуч

Полноценное восприятие русской литературы в Германии началось в середине XVIII века¹. Ему способствовали прежде всего или балтийские, или временно работавшие в России немцы, такие как Я. Штелин, Г.-Л.-Х. Бакмейстер или А.-Л. Шлецер, которые старались познакомить немецких читателей с развитием русской литературы. Они же выступали и как переводчики. В научных и популярных немецких журналах то и дело появлялись статьи об общем состоянии русской литературы или об отдельных ее авторах. Важную роль играли издававшиеся в Российской империи немецкоязычные журналы, такие как «Санктпетербургский журнал» (Sanktpetersburgsches Journal; 1776–1780) или «Журнал о России» (Journal von Rußland; SPb., 1793–1796) И.-Г. Буссе. Особенно влиятельна была «Русская библиотека» Г.-Л.-Х. Бакмейстера, выходившая в Риге в 11 томах с 1772 по 1789 год. Она подробно сообщала о новых изданиях научной, страноведческой и художественной литературы на русском языке; публиковала отрывки из беллетристических и поэтических текстов в немецком переводе. Информацию о состоянии русской литературы немцы могли получать также на страницах путеводителей по русским городам, например из «Образа Санкт-Петербурга» (Das Gemählde von St. Petersburg; Riga, 1793–1794) Г. Шторха или «Москвы» (Moskwa. Eine Skizze; Leipzig, 1799) И.-Г. Рихтера. Появляющиеся в немецких странах газеты и журналы тоже печатали статьи о русской литературе, например, в 1800–1802 годах «Бер-

---

¹ *Rammelmeyer A.* Die Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland // Reallexikon der deutschen Literatur. Berlin; New York, 1984. T. 4. S. 2.

линский ученый листок» (Berliner Intelligenzblatt) опубликовал ряд статей под заглавием «Обозрение русской литературы прошлых четырех десятилетий, особенно при Екатерине II». Несмотря на названные труды, распространение сведений о русской литературе и русских поэтах в Германии не привело к сохранению этих сведений в памяти читателей. Такое положение вещей изменилось только в начале XIX века; первым автором, обратившим на себя общее внимание в Германии, стал Н. М. Карамзин².

В отличие от Карамзина и Державина, имя И. И. Дмитриева не стало известным в германоязычных странах, он отсутствует на немецкой карте русской литературы³. Немногие его стихотворения переводились на немецкий язык, но отдельного немецкого издания сочинений Дмитриева не существует до сих пор. Насколько мы могли установить, переведенные на немецкий язык стихотворения Дмитриева появлялись исключительно в немецких антологиях русской поэзии. Развивающийся в XIX веке жанр антологии основывается на принципе представления репрезентативного выбора из поэзии собственного или иного народа; он обыкновенно ориентирован на общепризнанный канон литературы. Когда антология представляет творчество чужого народа, выбор ориентирован прежде всего на признанный в исходной стране канон. Что касается исторического развития жанра антологии в Германии, то исследования установили, что в XIX веке были наиболее популярны так называемые антологии мировой литературы⁴, между тем как в XX веке доминировали антологии поэзии отдельного народа или антологии по определенной тематике⁵. Если же посмотреть на немецкие антологии мировой литературы, данные которых собраны и проанализированы геттингенским Специальным исследовательским отделением «Литературный перевод»⁶, выясняется, что тут имя Дмитриева совсем отсутствует. Не часто появляется его имя и в немецких анто-

---

² Rammelmeyer A. Die Aufnahme der russischen Literatur ... S. 7.

³ Reissner E. Deutschland und die russische Literatur 1800–1848. Berlin, 1970. S. 51.

⁴ Eßmann H. Einleitung // Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1996. S. XIII.

⁵ Bädeker B. Einleitung // Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1997. S. 2f.

⁶ Специальное исследовательское отделение 309 «Литературный перевод», интердисциплинарный филологический проект при Геттингенском университете, изучало в 1991–1996 годах вопросы литературного перевода с литературоведческой позиции. Одной из его целей было исследование традиции немецких антологий иностранной поэзии; см. Eßmann H. Einleitung ... S. XII–XIV.

логиях, посвященных русской поэзии⁷. Здесь оно представлено обыкновенно одним, двумя или тремя короткими текстами. В настоящей статье мы хотим охарактеризовать рецепцию Дмитриева в Германии, следуя антологиям с его стихотворениями в хронологическом порядке и осмысляя их в контексте общей концепции соответствующих собраний текстов.

Иван Иванович Дмитриев был поэтом эпохи перехода от классицизма к романтизму. Близкий друг Карамзина, с которым он сотрудничал при создании и издании альманахов и журналов, Дмитриев считался в момент наивысшей своей славы – приблизительно с 1793 по 1815 год – виднейшим поэтом сентиментализма⁸. Начав регулярно и с успехом печатать отдельные стихотворения и сборники только в начале 90-х годов, Дмитриев уже в 1803–1805 годах составил и выпустил свое трехтомное издание «Сочинения и переводы», которое в следующие годы выдержало четыре издания⁹. В это время (1797–1814) он также сделал блестящую карьеру в гражданской службе. После выхода в отставку в 1814 году он написал очень немного новых стихотворений и в основном ограничился переизданием собрания своих сочинений. В 1823 году вышло переработанное автором и заметно сокращенное двухтомное издание собрания сочинений, из которого он изъясил все, что посчитал устаревшим или незначительным. Молодые авторы 20-х годов – среди них были и будущие декабристы – ценили его высоко: например, А. А. Бестужев описал Дмитриева как равного Державину поэта¹⁰; В. К. Кюхельбекер, называя его одним из тех русских поэтов со времен Ломоносова, «которыми Россия могла гордиться», «имя которых было в прибыль потомкам»¹¹, характеризует, между тем, Дмитриева как поэта прошедшей эпохи. В том же 1823 году П. А. Вяземский написал пространное хвалебное жизнеописание поэта, послужившее предисловием к шестому – сокращенному – изданию «Собрания стихотворений». В 1824-м

---

⁷ Übersetzte Literatur in deutschsprachigen Anthologien: eine Bibliographie. Stuttgart, 1998. Teilbd. 2. Anthologien mit russischen Dichtungen / Unter Mitarb. von Christiane Hauschild ... hrsg. von Ulrike Jekutsch.

⁸ Макогоненко Г. П.: 1) «Рядовой на Пинде воин»: Поэзия Ивана Дмитриева // *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 19–23; электронная версия: www.rvb.ru/18vek/dmitriev/; 2) Дмитриев И. И. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1. С. 270–71.

⁹ В 1794 году вышли его первые пейзажные лирические стихотворения, в которых рефлексии о пейзаже носят патриотический оттенок («Ермак», «Глас патриота на взятие Варшавы», «К Волге»). Известность Дмитриева упрочилась публикацией «Басен и сказок» (1798).

¹⁰ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / Подгот. текста В. А. Архипова, В. Г. Базанова, Я. Л. Левковича. М.; Л., 1960. С. 17.

¹¹ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 453.

А. Ф. Воейков напечатал обширную рецензию на это издание, включавшую хвалебные стихотворения в честь Дмитриева¹².

Период активного творчества поэта (1790–1814) был ознаменован существованием и конкуренцией в русской литературе двух течений: достигшего в то время своего апогея сентиментализма и приобретшего вследствие наполеоновских войн новое значение классицизма. Дмитриев принадлежал к числу старших сентименталистов, нашедших твердую почву в рационализме Просвещения. В его поэзии смешиваются элементы, помимо названных, и иных течений в разнообразных формах: его сочинения то выказывают частичную связь с поэтикой классицизма, то целиком обязаны поэтике сентиментализма или даже раннего романтизма¹³. Параллельное сосуществование этих тенденций Г. П. Макогоненко объяснял некоторой мягкостью и нерешительностью характера поэта, которыми тот отличался от своих друзей, Державина и Карамзина¹⁴. Но все-таки исследователь поставил Дмитриева в один с ними ряд, таким образом оценив его как третьего поэта этой эпохи.

Дмитриев играл ведущую роль в русской литературной жизни на протяжении пятнадцати лет и был признан своими современниками главой сентиментальной поэзии. Он славился как создатель сентиментальных и сатирических стихотворных сказок, лирических песен и сатирико-дидактических басен, но прежде всего как автор легкой поэзии. Его отход от литературной деятельности после 1814 года произошел лишь за несколько лет до появления романтизма и совпал со сменой культурных парадигм, а именно с переходом от сентиментализма к романтизму. Это привело к тому, что Дмитриев несколько лет спустя потерял свою прежнюю репутацию и был воспринят как один из последователей и подражателей Карамзина.

---

¹² Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» ... С. 66.

¹³ Н. Д. Кочеткова резюмирует разные мнения исследователей Дмитриева о его принадлежности к этим течениям замечанием В. Г. Белинского, который назвал Дмитриева чистым романтиком в связи с его стихотворением «Ермак» (Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма : Эстетические и художественные искания. СПб., 1994. С. 9–10).

¹⁴ Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» ... С. 67.

1. Восприятие Дмитриева в немецкоязычных странах

Первый составитель немецкой антологии русской поэзии Фридрих фон дер Борг был еще и единственным переводчиком, сделавшим подборку наиболее показательных текстов Дмитриева с примерами стихотворных сказок, песен, басен, патриотической и пейзажной лирики. «Поэтические произведения русских» (*Poetische Erzeugnisse der Russen*) фон дер Борга вышли в двух томах в 1820 и 1823 годах. Оба тома представляют отчасти одних и тех же авторов, причем во втором томе можно отметить стремление переводчика и издателя дополнить представленную в первом томе картину русской поэзии начиная с Ломоносова. Во втором томе появляется впервые не только Александр Сергеевич Пушкин, но и его дядя Василий Львович, а также А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, В. А. Озеров, И. А. Крылов, Ф. Н. Глинка и А. Д. Илличевский. В обоих томах были представлены – кроме Дмитриева – К. Н. Батюшков, И. Ф. Богданович, Д. В. Давыдов, М. В. Ломоносов, П. А. Вяземский, А. Ф. Воейков и В. А. Жуковский¹⁵. Вошедшие в антологию стихотворения расположены не по авторам, а по жанрам, в соответствии с их иерархией, так что в первом томе напечатаны оды, послания, письма, песни и т. д., а во втором – стихотворные сказки, басни, сатирические стихотворения и эпиграммы. Всего Дмитриев представлен двадцатью одним текстом (десять в первом и одиннадцать во втором томе); в этом количественном отношении он явно опережает всех остальных авторов антологии¹⁶; можно сказать, что он лидирует с отрывом¹⁷. За ним следуют Жуковский с одиннадцатью, Батюшков с десятью, Карамзин и Крылов с девятью и Державин с восемью стихотворениями. Наши наблюдения над числом приведенных фон дер Боргом стихотворений отдельных авторов показывают, что составитель явно ориентировался на канон русской литературы первых двух десятилетий XIX века. Дмитриев представлен как ключевая фигура русской сентиментальной поэзии. При чтении антологии это не бросается в глаза, потому что, во-первых, разделы озаглавлены по жанровым признакам, а во-вторых, имена авторов даются не перед, а после текста. Все это приводит к тому, что сти-

---

¹⁵ Список стихотворений Дмитриева, переведенных фон дер Боргом и другими переводчиками, приведен в приложении к настоящей статье.

¹⁶ *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur ... S. 51.

¹⁷ *Jekutsch U.* Die „Rußlandschwelle“. Zur Rezeption russischer Poesie in Deutschland, England und Frankreich in den zwanziger Jahren des 19. Jahrhunderts // *Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts* / Hrsg. H. Eßmann, U. Schöning. Berlin, 1996. S. 161–164.

хотворения воспринимаются читателем не как собственно авторские, а в качестве реализации того или иного жанра.

Фон дер Борг представляет Дмитриева как автора и серьезных лирических жанров, и легкой поэзии, как выдающегося поэта будто бы еще процветающего сентиментализма своего времени. Такая оценка творчества поэта вскоре после появления второго тома антологии устарела, поскольку в эти годы в России совершался переход к романтизму. В Германии антология фон дер Борга была воспринята критикой с вниманием, но без энтузиазма. Немецкая поэзия и критика тех лет уже вполне отвечали духу романтизма, для них сентиментальная поэзия давно вышла из моды. Таким образом, антология фон дер Борга рассматривалась как доказательство отсталости русской литературы¹⁸ и не вызвала интереса немецких читателей.

В следующие десятилетия, когда в полный голос заявили о себе Пушкин, Лермонтов и другие, слава Дмитриева в России потускнела. Неудивительно поэтому, что и новые немецкие переводчики также не занимались Дмитриевым – ведь переводится преимущественно актуальная современная литература, а не авторы прошлого. В течение всего XIX века только писатель и поэт Фридрих Боденштедт, главный переводчик Лермонтова и, может быть, самый заметный немецкий переводчик русской литературы в этом столетии, перевел не более трех маленьких стихотворений Дмитриева – лирическую песнь «Прохожий и горлица», представляющую диалог названных в заглавии лиц, «Эпитафию эпитафиям» и эпиграмму. Таким образом, в переводческой деятельности Боденштедта Дмитриев уже не первостепенный русский поэт, но один из третьестепенных. Переводы были опубликованы не только в изданном в 1866 году 12-томном «Собрании сочинений» Боденштедта, четыре тома которого составляют его переводы с русского языка¹⁹. Два тома целиком посвящены Пушкину, один том – Лермонтову, один том соединяет стихотворения разных авторов, среди них три коротких стихотворения Дмитриева, из которых «Прохожий и горлица» наиболее длинное. В отличие от него, Державин представлен в том же томе только одним текстом – это ода «Бог», восхваляющая Творца,

---

¹⁸ «Обширная работа фон дер Борга заслужила в критике внимание только с информационной и историко-литературной точки зрения; по большей части подчеркивалось, что русская литература еще не достигла оригинальности». («Der verdienstvollen Arbeit von der Borgs billigte die Kritik im wesentlichen nur informativen und literaturhistorischen Wert zu. Sonst fühlte sie sich in der Ansicht bestärkt, daß es der russischen Literatur noch an Originalität mangle»: *Rammelmeyer A. Die Aufnahme der russischen Literatur ...* S. 10.)

¹⁹ *Bodenstedt F. Gesammelte Schriften. Gesamt-Ausgabe in 12 Bänden.* Berlin, 1858–1869. Переводы стихотворений Дмитриева напечатаны в седьмом томе (1866; S. 157f).

и она гораздо более объемна, чем все стихи Дмитриева, взятые вместе. Сравнение того, как предстают Дмитриев и Державин у Боденштедта, показывает, что не только количество переведенных текстов, но и жанр и объем отдельного текста говорят о ранге автора в контексте антологии.

Диалог «Прохожий и горлица» был напечатан девятью годами ранее в антологии Хермана Харриса «Песни с чужбины» (*Lieder aus der Fremde*, 1867), которая представляет собой обзор всего разнообразия немецких переводчиков середины XIX века и одновременно демонстрацию транснациональности поэтического творчества²⁰. Предпосланный собранию эпиграф из стихотворения представителя немецкого позднего романтизма графа Августа фон Платен подчеркивает концепцию антологии:

С востока и севера, и юга летят
Ко мне слова чужеземных муз:
Я собираю их в моей груди
И возвращаю их к жизни.²¹

Подразделенная на главы с текстами конкретного переводчика, антология дает карту поэтических сетей между европейскими литературами, сплетенных из переводов. Антология открывается «Фридрихом Боденштедтом в Мюнхене» и оканчивается «Германом Харрисом в Ганновере». Боденштедт представлен переводами из сочинений тринадцати хронологически расположенных русских поэтов – одно, два, максимум три стихотворения. Дмитриев, как самый старший из этих поэтов, представлен одним стихотворением: созданным в 1791 году и уже упоминавшимся выше диалогом «Прохожий и горлица». В приложении в конце тома даются краткие биографии всех переведенных авторов. Дмитриев характеризуется как друг Карамзина и Державина, один из издателей «Московского журнала» и переводчик, описание заканчивается словами: «Многие из песен его молодости стали достоянием народа»²². Представляя Дмитриева исключительно

---

²⁰ О различии образов мировой литературы, развивавшихся Гердером и Гете, и их восприятию в немецких антологиях заграничной поэзии см.: *Boedeker B. Konzepte von Weltliteratur in deutschsprachigen Versdichtungsanthologien des 19. und frühen 20. Jahrhunderts // Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts / Hrsg. H. Eßmann, U. Schöning. Berlin, 1996. S. 183–204.*

²¹ «Aus Ost und Nord und Süden schweben / Um mich die Sprüche fremder Musen: / Ich sammle sie in meinem Busen / Und gebe sie zurück dem Leben» (*Lieder aus der Fremde. Hannover, 1857. Vorsatzblatt*).

²² *Lieder aus der Fremde ... S. 352.*

как автора песен, антология редуцирует как объем, так и разнообразие его творчества, а указание в цитируемой нами характеристике на песни, созданные им в молодости, помещает нашего автора в конец XVIII века, между тем как признание его песен достоянием народа стилизует его как предшественника романтизма.

Противоречивые оценки, даваемые ему Боденштедтом и Харрисом, характеризуют и восприятие Дмитриева в XX веке. В этом столетии подборку переводов Боденштедта опубликовал Пауль Фридрих в антологии «Русская лирика. Народные песни и стихотворения классического века»²³, которая была задумана в честь Боденштедта – первого переводчика русской литературы. В предисловии Роберта Радецкого подчеркивается значение Боденштедта как «первого немецкого глашатая» русской поэзии, как «пионера и строителя моста к ее пониманию в Германии»; завершается оно цитатой из предисловия Боденштедта к издававшимся им «Русским фрагментам» (*Russische Fragmente. Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung*; 1862): «До сих пор общественные отношения в России не способствовали рождению поэтов и мыслителей первостепенных, подобных Шекспиру, Данте, Канту или Гете, ибо такие гении появляются только тогда, когда приходит время. Но они появятся тогда, когда все знаки будут указывать на это, когда разум, сердце и вся сила воображения в полной мере станут присущи русскому народу. Мы не можем допустить, что Бог, дав этому народу язык, соединяющий романское благозвучие с германской силой и пластичностью, не дал этому сосуду ценное содержание. Поэтому я говорю: время придет...»²⁴.

Политически-исторический контекст времени появления антологии дает основание читать эти слова Боденштедта намеком на то, что предсказанное им время пришло с советской эпохой²⁵. Однако в предисловии Радецкий избегает прямых высказываний.

---

²³ *Russische Lyrik. Volkslieder und Gedichte des klassischen Zeitalters*. Berlin, 1948.

²⁴ «Bisher waren die Verhältnisse in Rußland nicht dazu angetan, Dichter und Denker ersten Ranges hervorzubringen, etwa einem Shakespeare, Dante, Kant oder Goethe gleich, denn solche Genien erscheinen erst, wenn die Zeit erfüllt ist. Aber sie werden erscheinen, wo alle Zeichen darauf hinweisen, wo Verstand, Herz und alle einbildsamen Kräfte in reichem Maße unter dem russischen Volk vorhanden sind. Es ist nicht anzunehmen, daß Gott diesem Volke eine Sprache gegeben habe, welche romanischen Wohlklang mit germanischer Kraft und Bildsamkeit vereinigt, ohne in dieses Gefäß auch einen köstlichen Inhalt zu geben. Darum sage ich: die Zeit wird kommen» (*von Radetzky R. Vorwort // Russische Lyrik. Volkslieder und Gedichte des klassischen Zeitalters*. Berlin, 1948, S. 9).

²⁵ Основанное в 1872 году в Берлине Издательство А. Вейхерт (Verlag August Weichert) после Второй мировой войны оказалось в советской зоне города. Потомки Августа Вейхерта

В начале XX века, в 1905 году, была опубликована антология русской поэзии XIX века, посвященная традиции «чистой» поэзии. Переводчик и издатель Вильгельм Флит открывает свою галерею поэтов, охватывающую Пушкина, Тютчева, Фета, А. К. Толстого, Аполлона Григорьева, Апухтина и Бальмонта, стихотворением Дмитриева «Ночь» и таким образом делает его предшественником традиции, ведущей вплоть до символизма²⁶. Его антология, опубликованная машинописью, не вызвала интереса.

Во второй половине XX века, в течение трех десятилетий – с 1960-х по 1980-е годы – появились две антологии, которые включают и стихи Дмитриева. В 1963 году Ханс Бауманн представил его одной басней в антологии «Русская поэзия 1185–1963», изданной в Федеративной Республике по поручению Научного книжного общества²⁷. В антологии, задуманной как обзор развития русской литературы с момента возникновения до современности, древняя поэзия представлена «Словом о полку Игореве», отрывками из некоторых былин и народных песен, а новая, до Пушкина, – отрывками стихотворений Державина, Радищева и Дмитриева (по одному для каждого поэта). Избранная для антологии дмитриевская короткая басня «Муха», состоящая из десяти строк, тут становится еще более короткой: она лишена последних четырех строк, то есть морали. Это не только говорит о склонности Бауманна к приведению отрывков – тут мы можем предположить стремление автора антологии адаптировать басни к поэтической моде XX века, который не любил открытых поучений. В 1984 году слависты Аннелис и Хельмут Грассхофы составили в Демократической Республике антологию русской литературы XVIII века «Хор ко превратному свету»²⁸, которая представляет творчество Дмитриева двумя баснями: также «Мухой» и «Петухом, Котом и Мышонком». Таким образом, в обеих частях Германии Дмитриев рассматривается в эти годы прежде всего как автор басен, предшественник Крылова.

В 1989 и 1990 годах издатель Брауне-Стейнингер с переводчиком Йозефом Мюллером опубликовали две антологии, которые включали большее число стихов Дмитриева. Обе антологии мы можем назвать тематическими, потому что они подчинены определенной теме. Первая антология под

руководили издательством до экспроприации в 1950 году; в дальнейшем издательство продолжило работу в Западной Германии до 2002 года. См.: «A. Weichert Verlag: Verlagsgeschichte und Beginn der Jules-Verne-Adaptionen» (www.j-verne.de/verne_edit4_1.html).

²⁶ *Vlieth W.* Nachbildungen russischer Originale. Als Manuskript gedruckt. Berlin, 1905.

²⁷ *Russische Lyrik 1185–1963* / Hrsg. H. Baumann. Gütersloh, 1963.

²⁸ *Chorus an die verkehrte Welt. Russische Dichtung des 18. Jahrhunderts* / Hrsg. A. u. H. Grasshof. Leipzig, 1983.

«тютчевским» заглавием «В Россию можно только верить»²⁹ представляет подборку из русской поэзии XIX и XX веков. Дмитриев появляется с четырьмя стихотворениями, опять с «Прохожим и горлицей», одним посланием, надписью «Эпитафия эпитафиям» и эпиграммой «Супружная молитва». Вместе они раскрывают жанровое разнообразие творчества Дмитриева, одновременно предстающего и поэтом камерной, интимной жизни. Вторая антология, «Русские эпиграммы»³⁰, собрала надписи, эпиграммы, шуточные и сатирические сочинения второй половины XVIII и первой трети XIX века. Тут были напечатаны девять шуточных стихотворений Дмитриева, почти все очень короткие, не более четырех строк.

Обзор немецких антологий, которые представляли переводы стихов Дмитриева, позволяет нам сделать следующие выводы. Очень немногие составители антологий XIX и XX веков заинтересовались творчеством поэта – восемь из всех ста восьмидесяти шести немецких антологий, указанных в вышедшей в 1998 году библиографии «Антологии с русскими стихотворениями» (1998). Только в одной из них, первой, нарисована адекватная картина творчества Дмитриева, где он представлен самым знаменитым поэтом русского сентиментализма, устаревшего уже спустя несколько лет течения. В Германии антология фон дер Борга натолкнулась на критиков и читателей, которым сентиментализм казался совсем отсталым, так что антология не оказала никакого влияния на восприятие русской литературы. Этому способствовали и главный адресат и язык его переводов: антология издавалась в России, ее адресовали прежде всего читателю, знающему русский язык и умеющему сравнивать исходные и переведенные стихи³¹. Об этом свидетельствует и даваемая читателю скупая информация о представленных поэтах. Балтийский немец очень хорошо владел русским языком и был способен создать очень близкие к исходным текстам переводы³², но и это не могло привлечь внимание немецких читателей. Единственный в XIX веке переводчик, занимавшийся Дмитриевым после фон дер Борга, Боденштедт, оценивает его как второ- или третьестепенного поэта позднего периода XVIII века, который представляет интерес только благо-

²⁹ An Russland kann man ja nur glauben. Russische Verse aus dem 18. und 19. Jahrhundert / Hrsg. W. Braune-Steininger. Fernwald, 1989.

³⁰ Russische Epigramme. Scherz-, Spott-, Widmungs- und andere Kurzverse, auch etliche Fabeln aus der zweiten Hälfte des 18. und dem ersten Drittel des 19. Jahrhunderts / Hrsg. W. Braune-Steininger. Fernwald, 1999.

³¹ О принципах композиции антологии фон дер Борга см.: *Jekutsch U.* Die „Rußlandschwelle“ ... S. 172f.

³² *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur ... S. 56.

даря некоторым своим текстам, вошедшим в состав народных песен. В контексте зарождающегося реализма эта оценка не могла вызвать особенного интереса к Дмитриеву. В антологии Флита Дмитриев выступил предшественником модернистской поэзии, но это собрание в контексте других антологий своего времени, представляющих русский символизм, не воспринималось немецкой читающей публикой. Антологии второй половины XX века показывают его автором басен и преимущественно легкой поэзии XVIII века.

Есть две возможные причины, почему поэт вопреки приведенным выше фактам восприятия остался почти неизвестным в Германии. Во-первых, это могло быть обусловлено разнообразием творчества Дмитриева, сложным слиянием на пороге XIX века архаических и новаторских тенденций. Можно предполагать, что именно это разнообразие препятствовало созданию постоянного облика автора. Во-вторых, антологии ясно показывают, что почти все его тексты были переведены на немецкий язык только один раз. Лишь три из них переводились дважды; два из них, переведенные Боденштедтом, были перепечатаны в XX веке. Но факт их второй публикации был связан с новым вниманием не к текстам или их автору, но к переводчику. Таким образом, описанные нами единичные случаи перевода не привели к прочному знакомству немецких читателей с Дмитриевым, он известен только славистам-литературоведам, занимающимся XVIII веком.

2. Сравнительный анализ дважды переведенных стихов Дмитриева

Хотя почти все стихотворения Дмитриева переводились всего один раз, три из них были переведены на немецкий язык дважды. Это «Прохожий и горлица», «Эпитафия эпитафиям» и басня «Муха». Переводы двух первых названных текстов принадлежат Фридриху Боденштедту и Йогану Мюллеру, переводы басни – Гансу Бауманну и Уве Грюнингу. Если обратить внимание на количество публикаций отдельных переводов, оказывается, что стихотворение «Прохожий и горлицы» появлялось в печати чаще других: перевод Боденштедта, впервые изданный в антологии Гарриса (1857), был также опубликован в «Собрании сочинений» автора (1866) и в антологии Пауля Фридриха 1948 года. Фридрих переиздал также в переводе Боденштедта «Эпитафию эпитафиям», но интересовался при этом не Дмитриевым, а прежде всего Боденштедтом – знаменитым в XIX веке переводчиком русской поэзии.

Таким образом, эти два стихотворения были представлены прежде всего как доказательство искусства переводчика, тогда как двойной перевод басни «Муха» во второй половине XX века можно объяснить политической обстановкой: Ганс Бауманн издал антологию русской поэзии в Западной Германии, Уве Грюнинг переведил русских поэтов в ГДР.

Написанное в 1791 году стихотворение Дмитриева «Прохожий и горлица» построено как поэтический диалог, состоящий из шести строк, чередующих шести- и четырехстопные ямбы. Каждая строка представляет собой завершенную фразу; чередуются три вопроса и три ответа. Прохожий начинает диалог вопросом о том, почему горлица «воркует так печально на кусточках», горлица говорит, что «тоскует по [...] дружочке». На второй вопрос прохожего, изменил ли ей друг, горлица отвечает, что он убит стрелком. прохожий говорит, что и ей надо остерегаться руки стрелка, но горлица опять его поправляет: «Что нужды! Ведь умру ж с тоски»³³. Горлице оставлено последнее слово, она противопоставляет разумному выводу прохожего тоску по умершему любимому и этим опровергает дидактически задуманный совет, думая о любви после смерти. Так как ее безусловная любовь переступает границы разумных, умеренных чувств, воспеваемых сентиментализмом, стихотворение приближается к романтическому культу всепоглощающей любви.

Перевод Боденштедта сохраняет структуру стихотворения, чередование в нем однострочных вопросов и ответов, ямбический размер и количество слогов в строке. В первых трех строках он дополняет высказывания обоих участников разговора: первая начинается требованием «sprich» (говори), во второй строке «дружочек» передается как «Tauber» (голубь-самец) с добавлением эпитета «lieb» (милый), что можно расценить как попытку переводчика избежать встречающийся в немецком языке гораздо реже, чем в русском, диминутив; в третьей строке (вопрос прохожего о причине тоски горлицы) вопросу придается оттенок сочувствия, указывая на бедное положение адресата, который «jetzt so in Not» («сейчас в такой нужде»). К тому же появляются семантические изменения: горлица Дмитриева «воркует печально на кусточках», горлица Боденштедта «sitzt so traurig auf dem Ast» (сидит печально на ветви). Первый ответ горлицы «тоскую» превращается в «traur'ich» (оплакиваю), таким образом теряет семантическую открытость и уже указывает на смерть. Одновременно немецкое «traur'ich» варьирует предыдущее слово «Tauber» и фонетически повторяет

³³ Стихотворения Дмитриева цитируются по изданию: *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.); электронная версия: www.rvb.ru/18vek/dmitriev

наречие «traurig» в первой строке; таким образом, Боденштедт вводит в текст фигуру этимологическую, маркированную принадлежностью народному творчеству. В четвертой строке Боденштедт переводит нейтральный глагол «убить» как фразеологический оборот «schöß ihn tot» (застрелил его намертво) и превращает стрелка в «Jäger» (охотника). В пятой строке прохожий Дмитриева остерегает от «его (стрелка. – У. Е.) руки», Боденштедт повторяет слово «охотник». В целом он уменьшает риторическое разнообразие исходного текста в пользу фонетических и риторических повторов и сближает его таким образом с народным творчеством; одновременно текст Дмитриева обретает в переводе Боденштедта более романтическую окраску.

Второй перевод этого стихотворения осуществил в конце XX века Йозеф Мюллер. Как и Боденштедт, Мюллер сохраняет диалогическую структуру, размер и количество слогов в строке (за одним исключением: шестая строка – последняя реплика горлицы – короче на один слог, что формально усиливает пуант стихотворения). При этом Мюллер актуализирует текст, ослабляя в нем сентиментально-романтический оттенок. Это открывается уже в первой строке, ибо передача наречия «печально» немецким наречием «kläglich» (плачевно или жалобно) и прибавление «was ist denn, kleine» (что с тобой, маленькая) придают горлице детские черты, а прохожему черты старшего друга. «Дружочек» изменяется сначала на «сердечное сокровище» (Herzensschatz), а потом на «лучший друг» («bester Freund»). Стрелок атрибутирован своим оружием – ассоциирующейся с ходовой топикой эротической поэзии «стрелой» (Pfeil) – и, следовательно, утрачивает коннотацию смертельной опасности. К горлице прохожий обращается не «несчастливая», но «Armes» (бедная[!]); она предсказывает собственную смерть не «с тоски», но «an gebrochenem Herzen» (от разбитого сердца). Инфантилизируя горлицу и изменяя пуант стихотворения (благодаря клишированной метафоре условной любовной лирики), перевод Мюллера лишает его внутренней убедительности и истины чувства.

Оба переводчика, Боденштедт и Мюллер, переводили также «Эпитафию эпитафиям». Сравнительный анализ переводов приводит к сходным выводам. В то время как Боденштедт, переводя место действия на кладбище, вписывает текст в сентиментальный контекст, Мюллер смягчает тему смертности человека эвфемизмами: слово «смерть» передается как «Heimgang» (буквально «возвращение домой» и только в переносном значении «смерть»), «скончались мы» – как «Zeit zu gehen» (пора уходить).

Басня «Муха» появилась в немецком переводе Ганса Бауманна в антологии «Russische Lyrik 1185–1963» в качестве единственного текста, представляющего творчество Дмитриева. Басня состоит из десяти стихов, первые шесть строк рассказывают историю мухи, сидящей на роге быка, возвращающегося после тяжелого труда домой, которая на вопрос, откуда она, отвечает: «Мы пахали». Следующие четыре строки открываются указанием на то, что сопоставление поэзии с действительностью – основной прием басни, и наконец появляется мораль: подобное поведение – присвоение чужих заслуг – встречается и среди людей. Уже и в оригинале короткая басня сокращается Бауманном до шести строк, так как он не переводит мораль. Вольный ямб заменяется шестистопным ямбом. Разговор между Мухой, сидящей на роге быка, и встречной мухой происходит не по дороге домой, а на поле в разгар труда. Муха встречается не с одной только мухой, но с целым роем. Поэтому вопрос встречной мухи не передает русское предложение «Куда ты, сестра?», но изменяется на «Was treibst du, Schwester?» (Что подельываешь, сестра?) и дополняется следующим: «Zu sitzen, ist dir dies genug?» (Сидеть – тебе этого хватает?). Эти изменения преследуют стратегию передачи более однозначной порицательной оценки Мухи рассказчиком. Бауманн уточняет текст басни в следующих местах: у Дмитриева не разъясняется, сидела ли Муха на роге во время пахоты или она села на него во время возвращения домой. У Бауманна Муха сопровождает быка в трудовое время на поле, ее бездействие обнаруживается вопросом рассказчика. Элиминируя мораль, Бауманн вычеркнул и метапоэтический концепт, обнажающий поэтический прием басни.

Двадцать один год спустя Уве Грюнинг перевел всю басню, сохраняя и размер, и парную рифму, и прошедшее время повествования. Он создал очень близкий к исходному тексту перевод, но заметны и некоторые изменения, которые встречались уже у Бауманна: Муха сидит на роге быка во время пахоты, так что усиливаются бездействие и непричастность Мухи к выполнению работы. Но бык с Мухой уже на пути домой, когда им встречается – опять – несколько других мух. Грюнинг не разворачивает вопрос к сидящей на роге Мухе, но вместо этого подчеркивает отношение отвечающей мухи, приписывая ей намерение высказать порицание: «Als wollte sie die Fragen rügen, / hat naserümpfend sie gesagt: / Woher? Wir waren pflügen!» (Как бы желая осудить вопрос, / Она, поморщя нос, сказала: / Откуда? Мы пахали!) Выделяя местоимение первого лица множественного числа курсивом не только в морали, как у Дмитриева, но уже в ответе Мухи, Грюнинг сообщает басне более однозначную установку и предупреждает мораль.

Кроме того, он усиливает мораль, заменяя «подчас» Дмитриева на «oft» (часто).

Рассмотрение дважды переведенных текстов Дмитриева показывает, во-первых, что это исключительно короткие стихи, которые не представляют никакой трудности для читателя. Они принадлежат к разным жанрам: жанрово неопределенное «Прохожий и горлица»³⁴ и устаревшие в XX веке эпитафия и басня. Два из них представляют хорошо известные образованному читателю топосы: горлица как символ верной любви до гроба, смертность человека. Переводчики усиливают конвенциональные черты текстов. Таким образом, в этих переводах Дмитриев является – возможно, за исключением «Прохожего и горлицы» – автором конвенциональной дидактической и сентиментальной поэзии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И. И. ДМИТРИЕВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АНТОЛОГИЯХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

I. Переводчик: Karl Friedrich von der Borg

(Poetische Erzeugnisse der Russen / Сост. К. F. v. der Borg. 1820)

- 1) «Ах, когда б я прежде знала». – „Wär es früher mir vertrauet“.
- 2) «Видел славный я дворец». – „Neulich sah ich den Palast“.
- 3) Ермак. – Jermak.
- 4) К Волге. – An die Wolga.
- 5) К Хлое. – An Chloe.
- 6) «Куда мне, сердце страстно». – „Wohin mit dir mich kehren“.
- 7) Наслаждение. – Genuß.
- 8) Освобождение Москвы. – Die Befreiung von Moskwa.
- 9) Стансы к Карамзину. – Stanzas an Karamzin.
- 10) «Стонет сизый голубочек». – „Traurig seufzt ein graues Täubchen“.

II. Переводчик: Karl Friedrich von der Borg (Poetische Erzeugnisse der Russen / Сост. К. F. v. der Borg. 1823)

- 1) Дуб и Трость. – Die Eiche und das Rohr.
- 2) Жаворонок с детьми. – Die Lerche mit ihren Jungen und der Landmann.

---

³⁴ Издание «Библиотеки поэта» помещает «Прохожего и горлицу» в раздел «Разные стихотворения».

3) «Завидна, – я сказал, – Терситова судьбина». – „Tersites Schicksal ist zu neiden, – sagt ich neulich“.

4) К графу Н. П. Румянцову. – An den Grafen N. P. Rumanzow.

5) К друзьям моим. – An meine Freunde, als ich sie nach meinem Abschiede zum ersten Male wieder sah.

6) Модная жена. – Die Frau nach der Mode.

7) Послание к Н. М. Карамзину 1796. – An Karamzin.

8) Причудница. – Die Launenhafte.

9) Чужой толк. – Fremde Urtheile.

10) – . – „Vicerphal der Magnat in seinem Erdewallen“³⁵.

11) «Я разорился от воров». – „Mich haben Diebe ruiniert!..“

III. Переводчик: Friedrich Bodenstedt

(*Bodenstedt F. Gesammelte Schriften. Berlin, 1866. T. 7*)

1) Прохожий и горлица. – Die Turteltaube und der Wanderer [то же в: Harrys. 1857; Friedrich. 1948].

2) Эпитафия эпитафям. – „Du kommst den Friedhof zu durchwandern“.
[то же в: Friedrich 1948 под заглавием „Vier Zeilen“].

3) – . – „Les’ ich im Liede deine Liebesthränen“³⁶.

IV. Переводчик: Wilhelm Vlieth

(*Vlieth W. Nachbildungen russischer Originale. 1905*)

1) Ночь («В черной мантии волнистой...»). – Die Nacht („Still ist die Nacht. In den träumenden Wogen...“).

V. Переводчик: Hans Baumann

(*Russische Lyrik 1185–1963 / Hrsg. H. Baumann. 1963*)

1) Муха. – Die Fliege.

VI. Переводчик: Uwe Grüning

(*Chorus an die verkehrte Welt / Hrsg. H. Grasshoff. 1983*)

1) Муха. – Die Fliege.

2) Петух, Кот и Мышонок. – Hahn, Kater und Mäuslein.

³⁵ Источник перевода не установлен.

³⁶ Источник перевода не установлен.

VII. Переводчик: Johann Müller

(An Russland kann man ja nur glauben. Russische Verse aus dem 18. und 19. Jahrhundert / Hrsg. Braune-Steininger. 1989)

1) А. Г. Севериной в день ее рождения. – A. G. Severina zum Geburtstag.

2) На кончину Веневитинову. – Zum Tode Wenewitinows.

3) Прохожий и горлица. – Der Wanderer und das Turteltaubchen.

4) Супружняя молитва. – Gattengebet.

VIII. Переводчик: Johann Müller

(Russische Epigramme. Scherz-, Spott-, Widmungs- und anderen Kurzverse, auch etliche Fabeln aus der 2. Hälfte des 18. und dem ersten Drittels des 19. Jahrhunderts / Hrsg. Braune-Steininger. 1989)

1) Воробей и зяблица. – Der Spatz und der Fink.

2) И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки». – Für I. P. Bogdanowitsch, dem Autor des *Seelchen*.

3) К Амуру. – An Amor.

4) К портрету М. М. Хераскова. – M. M. Cheraskov.

5) Подснежник. – Das Schneeglöckchen.

6) Полевой цветок. – Das Wiesenblümchen.

7) Репейник и фиалка. – Das Veilchen.

8) Эпиграмма («Мне лекарь говорил: „Нет, ни один больной...“») –
„Bis jetzt hat kein Patient“, hat jüngst ein Arzt gesagt“.

9) Эпитафия эпитафиям. – Epitaph auf alle Epitaphen.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010